

Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития¹

Л.М. Григорьев, Д.В. Жаронкина

Григорьев Леонид Маркович – кандидат экономических наук, ординарный профессор, научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, стр. 1; lgrigor1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3891-7060

Жаронкина Дарья Владимировна – лаборант Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, стр. 1; dzharonkina@hse.ru; ORCID: 0009-0009-2686-6404

Аннотация

За три десятилетия Китай ликвидировал абсолютную бедность и вышел на средний уровень развития. На этом пути он пересек границы ряда кластеров и обогнал такие страны, как ЮАР и Бразилия. Достижения Китая базировались на развитии рыночных институтов, возможностей мирового рынка и поддержке исключительно высокой нормы накопления в ВВП. Высокий темп изменений, демографическая политика, решение инфраструктурных задач создали определенные проблемы. Отметим значительное социальное неравенство, экологические проблемы, рост закредитованности семей, финансовые трудности в сфере недвижимости, которые в значительной мере представляют собой последствия огромной социальной программы. Переход к «новой нормальности» с пониженными (но высокими) темпами роста во многом напоминает известный эффект ловушки среднего уровня развития. Страна проходит ожидаемые этапы, но быстрее и по-своему. На горизонте 2035 г. Китай планирует войти в категорию развитых стран – достичь современного уровня стран Южной и Восточной Европы.

Ключевые слова: Китай, экономический рост, неравенство, средний уровень развития

Благодарности: данная работа подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2023 г.

Авторы благодарят Андрея Евгеньевича Шаститко – профессора экономического факультета МГУ за указание на недостаточную изученность институциональных аспектов развития Китая.

Для цитирования: Григорьев Л.М., Жаронкина Д.В. Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 1. С. 176–200 (на русском и английском языке). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08

¹ Статья поступила в редакцию 27.02.2024.

Введение

Экономическому развитию Китая в последние три десятилетия посвящено очень много исследовательских работ, но остается еще большое поле для прикладного анализа и теоретических выводов. Важность страны как объекта анализа и как фактора развития мира переоценить невозможно. И в значительной мере ясно, что внутренние решения о развитии экономических институтов, отраслей и регионов играли решающую роль в 1992–2023 гг. Разумеется, мировые благоприятные условия для импорта сырья, доступа к технологиям, экспорта продукции обрабатывающей промышленности Китая имели огромное значение, поскольку сыграли позитивную роль в росте благосостояния китайских семей от стартовых 1,7 тыс. долл. (ППС 2017) до примерно 18 тыс. долл. в 2022 г. Этот выдающийся результат обычно пытаются объяснить либо успехами централизованного планирования развития в открытой мировой рыночной среде, либо просто использованием дешевой рабочей силы и масштабными капиталовложениями (в духе традиционных ресурсных подходов), либо постепенным формированием системы открытых институтов, в частности движением страны от экстрактивных к инклюзивным институтам.

Сложность проблемы, в общем, оставляет место для аргументов в пользу всех трех подходов – вряд ли сторонники каждого из них решатся настаивать на том, что именно их теоретический подход позволяет полностью объяснить гигантский рост благосостояния населения Китая. Для наглядности приведем условный пример. Среднестатистический китаец, родившийся в 1980 г., прожил свои детские и школьные годы в ошутимой бедности. В 1998 г. ВВП на душу населения (ППС 2017) составлял всего 2,98 тыс. долл., однако этот гражданин Китая видел 10%-е темпы экономического роста и к 30 годам, в 2010 г., уже жил в стране с показателем ВВП на душу населения 8,84 тыс. долл. Его личное благосостояние росло очень быстро, как и благосостояние и экономическая мощь страны в целом, включая опережение Бразилии. Но мало лишь указать на скорость и общие причины роста, необходимо провести прикладной анализ – все-таки Китай перешел, согласно нашим расчетам, из шестого кластера в третий. И впереди страну ждет долгий путь. Мы будем опираться на ряд известных западных работ: Рональда Коуза и Нина Вана [Coase, Wang, 2016], Дарона Асемоглу и Джеймса Робинсона [Acemoglu, Robinson, 2012], Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2011]. Большая российская литература по китайским реформам носит в основном политэкономический характер. Для анализа структуры и динамики экономики мы отметим большую работу А.В. Островского [Ostrovskiy, 2020], а также наши работы [Grigoryev, Kulpina, 2013; Grigoryev, Zharonkina, 2023]. Это позволит сосредоточиться на анализе современных характеристик социально-экономического развития Китая.

Китайская политика реформ и открытости берет свое начало еще в конце 1970-х годов. Главным барьером реформ была социалистическая политика КНР со своей идеологией, несмотря на то, что уже были попытки со стороны властей совместить плановую экономику и рыночные механизмы. Перед анализом следующего этапа развития КНР стоит отметить основные функции институтов. В общем случае институты играют две роли в жизни социума. С одной стороны, институты служат некими «механизмами», необходимыми для выживания в обществе и сплочения индивидов посредством различных социальных организаций. Обычно они появляются непреднамеренно, в результате деятельности человека. Некоторые институты создаются целенаправленно, но в конце концов приводят к результату, который не всегда соответствует первоначальным планам. Кроме того, институты служат символом идентичности и социального

статуса. Так, идеология социализма в КНР стала постепенно преобразовываться в символ идентичности общества, хотя реальное содержание институтов начало меняться.

В 1980-е годы китайское население постепенно пересматривало свое отношение к социализму и отходило от отождествления себя с идеологией, а китайские руководители были готовы к институциональным изменениям. Одним из них стало активное вовлечение ученых в политическую сферу — оно помогало китайскому руководству разрабатывать курс экономической политики и разрешать конфликты между партийными группировками во время дискуссий. Другим институциональным нововведением стали реформы правовой системы: издание новых законов, создание особых экономических зон, рост числа занятых в области адвокатуры и др. Развитие законотворческой деятельности позволило ограничить централизованную власть и защитить права местных властей, способствующие экономическому развитию регионов.

Процесс осмысления достижений, методов и проблем Китая охватывает весьма длительный период, обычно с установления нового Китая под руководством Мао Цзэ-дуна в конце 1940-х годов. Традиционно важной точкой отсчета чаще всего является декабрьский пленум 1978 г., взявший курс на реформы экономики и общества. К данному моменту истории Китая уже были позади сложные и тяжелые эксперименты, не давшие в целом радикального улучшения жизни и укрепления страны. В данной работе мы ограничим наш анализ периодом с 1992 г. по нескольким причинам. Начавшиеся радикальные преобразования в России практически сняли вопрос о том, насколько можно отклониться от марксизма, хотя, конечно, мировой идеологической системы уже не существовало. К этому моменту, как считается, завершилась пауза в реформах (1988–1992 гг.): «...Из этого периода политического разброда и шатаний Китай вышел с тем, чтобы с новыми силами приняться за рыночные преобразования, пустив в ход удачу, решительность и дальновидность...» [Coase, Wang, 2016, p. 138]. Наверное, будет справедливым сказать, что «низы» за четыре десятилетия устали от экспериментов, а элиты нуждались в осторожных рыночных реформах — это ситуация зеркальная революционной².

В нашей предыдущей работе мы постарались показать параметры роста Китая в рассматриваемый период [Grigoryev, Zharonkina, 2023]. Наш подход позволяет провести сравнительный анализ движения Китая по уровням развития, размеченным по кластерам [Grigoryev, Parshina, 2013]. Мировое развитие до 2020 г. выглядело вполне перспективно для решения многих проблем человечества, хотя и не так оптимистично, как в первоначальном виде в Целях устойчивого развития ООН 2015 г. Одной из критических проблем выработки путей решения глобальных проблем и достижения Повестки 2030 является попытка предложения единого подхода. Разумеется, различия «развитые — развивающиеся» констатируются, но теории роста и эволюции институтов далеки от адекватного отражения и создания прикладного инструментария для достижения ЦУР 2030 и далее. Тем важнее взглянуть на опыт Китая — он своеобразен, но дал выдающиеся результаты. Поднебесная прочертила траектории роста многих стран своего уровня на каждом этапе развития.

В конечном итоге мы хотели бы получить более ясное представление о столь быстром росте, состоянии социально-экономических параметров при прохождении знаковых рубежей. Предположительно, повторить это ускорение в развитии другим стра-

² Революционная ситуация — понятие, впервые сформулированное В.И. Лениным в работе «Маёвка революционного пролетариата» (1913 г.): «Для революции недостаточно того, чтобы низы не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде».

нам будет сложно, но мы попытаемся выяснить, что именно трудно повторить другим странам для достижения сопоставимых результатов:

- социально-политическая устойчивость общественных процессов;
- мир на границах и отсутствие открытых длительных внутренних социально-политических кризисов;
- единая трактовка целей развития правящей элитой в течение длительного периода, низкие политические издержки;
- устойчиво высокая норма накопления;
- решение проблем транспортной и энергетической инфраструктуры;
- устойчивое образование населения, наращивание человеческого капитала;
- быстрая адаптация к внешним условиям: экспорт и импорт;
- широкое использование иностранного капитала, особенно на ранних стадиях развития и через специальные инструменты (свободные зоны);
- усилия по решению крупных проблем страны: региональное и социальное неравенство, экология.

Старт реформ

Для страны, открывающей каскад реформ, Китай вполне располагал образованностью, традиционной трудовой этикой и предприимчивостью населения. К этому можно добавить монополию на власть, длительность контроля над принятием решений и некую гарантию устойчивости институтов (в случае успеха). К 1992 г. уже был приток иностранного капитала, в частности через свободные экономические зоны, а следовательно, появились технологии и ноу-хау. Мировые рынки были открыты на волне либерализации после распада СССР и расформирования СЭВ. Конец «первой» холодной войны и исчезновение советской угрозы приглушили у элит США и НАТО до поры до времени ощущение опасности со стороны Китая. Во всяком случае, Запад с ВВП на душу населения в десятки тысяч долларов не видел тогда угрозы и не мог предположить ситуации 2020 г., попыток ограничения России и Китая и мирового тупика.

Китайское руководство использовало это «внешнее окно возможностей» для вполне понятной либерализации хозяйственной деятельности, особенно в деревне, снятия идеологического табу на обогащение. В мире 1990-е годы – годы великой модерации и быстрого роста – были весьма подходящим периодом для экспорта массы недорогих товаров обрабатывающей промышленности Китая. Стартуя от сравнительно невысокого уровня производительности, имея «на руках» значительную абсолютную бедность, унаследованную от периода чрезмерного регулирования, ограничений и планирования, китайское руководство искало, по сути, гибридные пути выхода из сложившейся ситуации. Нужно было использовать имеющиеся ресурсы, снять институциональные препоны, дав новому пакету-набору институтов приемлемое идеологическое название – «социализм с китайской спецификой». «...Мысль о том, что плановая экономика – главный, а рыночная – вспомогательный элемент, глубоко укоренилась в китайском сознании...» [Coase, Wang, 2016, p. 183]. Если Коуз пытается объяснить феномен роста Китая с помощью теории институционализма, то Асемоглу и Робинсон по большей мере говорят о важности ресурсных факторов в развитии Поднебесной: «...страна получает большую выгоду от своего большого предложения дешевой рабочей силы и доступа к иностранным рынкам, капиталу и технологиям...» [Acemoglu, Robinson, 2012, p. 333].

Надо подчеркнуть, что к 1992 г. практического опыта успешного строительства среднеразвитой экономики на социалистической основе не существовало. Первой

российской программой, в которой не было «улучшения социализма», стала «500 дней» (1990 г.) [Grigoryev, 2010]. Это был сигнал всему миру, что «учиться» социализму больше не у кого. В России при создании первого правительства в октябре – ноябре 1991 г. программа построения рыночной экономики не была предъявлена заранее. Вначале были только намечены шаги к либерализации, открытию экономики и приватизации [Grigoryev, 1991].

В российской истории иногда отмечается некоторое «совпадение» реформ по времени: правительство Гайдара приступило к работе в ноябре 1991 г., когда ВВП СССР уже упал на 18% (к уровню 1989 г.). Видимо, начинать реформы надо было раньше [Grigoryev, 2019], а с января 1992 г. начался период «шокотерапии» на фоне обвального падения производства и гиперинфляции. Так что у китайских товарищей и наблюдателей не было ни теоретического «советского», ни прикладного «российского» материала для решения своих задач. Обе великие страны социализма начинали свои рыночные реформы практически одновременно, но с совершенно различных уровней развития и разными путями. В России, конечно, были советники из стран Запада, но для случая Китая это мало что давало, хотя идея шокотерапии была то ли привлекательной, то ли вынужденной [Ostrovskiy, 2020].

Но с момента опубликования «Решений о реформе экономической системы» в 1984 г. была обозначена цель реформ – рыночная экономика. Однако события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. привели к откату и свертыванию преобразований во многих сферах экономики, показав «слабость и уязвимость непрочной политической власти Китая, в частности полное отсутствие у нее институциональных механизмов для решения проблемы общественного недовольства и недостаток политических навыков для того, чтобы убедить и увлечь народ мирными способами...» [Coase, Wang, 2016].

Под руководством Дэн Сяопина Китай двинулся к построению рыночного хозяйства с социалистическим лицом. На этом пути были большие успехи, изменение задач – это «этапы большого незаконченного пути».

Экспериментальный подход китайских властей к реформам (“crossing the river by touching the stones”) отражал их уверенность в том, что идеи должны быть выше личных интересов. О промежуточных результатах непростого пути Китая писали в партийном журнале «Цюши»: «Такие впечатляющие результаты были достигнуты Китаем в результате осмысленной проработки теоретических вопросов экономической реформы. Там отказались от бездумного использования монетаристских методов перехода к рыночной экономике, и была выработана своя теория “социалистической рыночной экономики”, которая по сути дела и есть теория перехода от командно-административной, сверхцентрализованной к рыночной экономике, где “была не только переосмыслена традиционная теория плановой экономики, но и качественно развиты теоретические положения традиционной теории рыночной экономики» [Qiushi, cit. by Ostrovskiy, 2020, p. 22–23].

Рост в мире и ускорение в Китае

Три десятилетия мирового экономического роста были очень разными, но мы предполагаем, что детали мирового развития за этот период хорошо описаны, так что максимально сокращаем их изложение. Мы воспользуемся кластерным подходом к анализу межстранового неравенства в динамике, который показывает, как все страны мира (кроме Китая) увеличили свой ВВП на душу населения в 2019 г. по сравнению с 1992 г. на 45%, одновременно сохраняя свое место в том или ином кластере или перемещаясь

между ними. По охвату период соответствует периоду анализа китайской экономики в этой работе, но Китай рос намного быстрее мировых «норм», перейдя в течение этого этапа из шестого кластера в третий [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, ch. 1]. Традиционно развитие Китая рассматривается поэтапно: по деятельности генсеков и съездам Коммунистической партии Китая (КПК). Мы намерены воспользоваться также кластерным анализом (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1. Границы кластеров и примеры стран, ВВП (по ППС) на душу населения, междунар. долл., 2017 г.

Кластеры	Нижняя граница, 1992 г.	Верхняя граница, 1992 г.	Нижняя граница, 2022 г.	Верхняя граница, 2022 г.	Примеры стран из каждого кластера, 2022 г.	ВВП на душу населения, 1992 г.	ВВП на душу населения, 2022 г.
1	25001		36349		Польша	10,7	36,8
2	15001	25000	21810	36348	Чили	11,3	25,9
3	10001	15000	14541	21809	Китай	1,7	18,2
4	5001	10000	7271	14540	Вьетнам	2,3	11,4
5	2301	5000	3345	7270	Индия	1,9	7,1
6	1301	2300	1892	3344	Эфиопия	0,6	2,4
7		1300		1890	Мозамбик	0,4	1,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Bank [n.d.].

Картина восхождения китайской экономики по кластерам с 1992 по 2022 г. выглядит драматически. Это не просто быстрый рост, что было бы хорошо, но мало, учитывая стартовое состояние и амбиции страны и, в частности, руководства страны. Мы видим ускоренное прохождение нескольких этапов (выраженных в кластерах) на фоне умеренного мирового роста. Тот путь, на преодоление которого большинству стран потребовались десятилетия, Китай прошел за короткий срок. В данном случае мы указываем страны, сопоставимые не по всему рассматриваемому периоду, а по периодам «опережения» их уровня Китаем.

Старт реформ в 1990-е годы основывался на либерализации хозяйственной деятельности крестьян, торговцев, предприятий. Но централизованная ориентация инвестиций, содействие экспорту, создание свободных зон развивались в рамках логики открытия экономики и свободы конкуренции предприятий и регионов. Смена менталитета была огромной, тем не менее, в отличие от исторического пути формирования западных институтов, власть в Китае сохраняла существенный контроль над общественным развитием – сначала экономика, а уже затем развитие гражданского общества. В 2006 г. Коуз отмечал, что «китайская рыночная экономика продолжит развиваться, сохраняя свою специфику, вбирая богатые традиции Китая и все многообразие современного мира. В конце концов, капитализм – не конец пути, а эволюционный процесс коллективного обучения и самопреобразования...» [Coase, 2006]. Стартовые процессы реформ опирались скорее на либерализацию и создание частных предприятий, нежели на приватизацию. Привлечение иностранного капитала, в том числе с помощью свободных зон, позволило не только развивать соответствующие регионы и отрасли, но и экспериментировать с институциональными подходами. Ограничен-

ность внутреннего спроса преодолевалась за счет высокой конкурентоспособности на внешних рынках (где теперь место китайских товаров отчасти заняла продукция соседей).

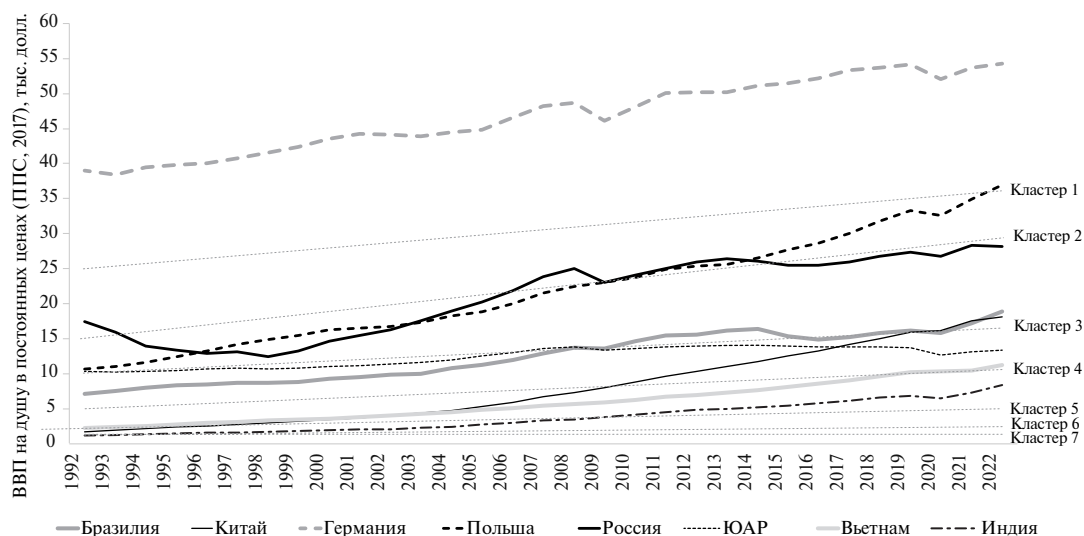

Рис. 1. Динамика ВВП (ППС, 2017 г.) на душу населения в Китае и странах сходного уровня развития в системе кластеров, тыс. междунар. долл., 1992–2022 гг.

Источник: World Development Indicators, GDP per capita, PPP (constant 2017 international \$) (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD?locations=CN>).

«За годы реформ Китай добился заметных успехов в сфере экономики. Они были связаны с отказом от следования принципам “вашингтонского консенсуса”, таких как либерализация экономики, уход государства из сферы экономического управления, быстрая приватизация государственных предприятий. Одним из главных факторов успеха реформы было активное включение Китая в систему международного разделения труда и использование таких внешнеэкономических факторов, как привлечение иностранного капитала для развития иностранных технологий в стране, развитие свободных экономических зон на территории Китая, быстрое развитие внешнеэкономических связей как с развитыми, так и развивающимися странами. В наступившем XXI в. Китай будет наращивать свою экономическую мощь, и на этой основе будет происходить поступательный рост жизненного уровня населения страны и построение общества “малого благоденствия” (*сяо кан шэ хуэй*) в стране к 2020 г.» [Ostrovskiy, 2020, p. 68–69].

Большой рыночный скачок Китая между 1992 и 2007 гг. — переход от тяжелого положения из шестого к четвертому кластеру — занял пятнадцать лет, которые можно атрибутировать, прежде всего, по либерализации хозяйственной деятельности, свободе выхода на мировые рынки при благоприятной мировой конъюнктуре и координированной инвестиционной политике. В истории догоняющего развития это выдающийся случай, особенно на фоне попыток Всемирного банка решить проблему роста в рамках современных представлений о его факторах [Easterly, 2001, xi–xiii]. В 2007 г. параметры экономики Китая уже соответствовали небогатой стране с большими инвестиционными планами (табл. 2). Далее произошло увеличение нормы накопления, развитие

энергетики, рост благосостояния. Все эти годы продолжалось догоняющее наращивание инфраструктуры (как в Европе в 1880–1913 гг.). В период с 2007 по 2013 г. произошел еще один рывок в развитии страны, в результате которого она переместилась, по нашему представлению, в третий кластер – в число стран с гораздо большим периодом пребывания среди среднеразвитых стран. Новые задачи съезда 2012 г. выполнялись уже в обстановке программы ограничения рождаемости и при снижении темпов роста. Это привело экономику страны, по существу, в стадию зрелости, и появились признаки новой нормальности.

Норма развития в 2012–2023 гг. шла в рамках третьего кластера и вывела Китай на 18 тыс. долл. ППС 2017 г. Это происходило уже после мирового финансового кризиса 2008–2010 гг., развала мирового управления, пандемии COVID-19 и начала геополитического кризиса. Реализована мечта о сильном Китае, но другими методами, по словам Нобелевского лауреата Роберта Коуза: «...За несколько десятилетий реформ и политики открытости Китаю удалось создать рынок товаров, который вернул страну на путь экономического процветания и по счастливой случайности помог ей возвратиться к культурным корням. Развитие рынка идей поможет китайской экономике расти за счет знаний и инноваций. Но гораздо важнее то, что богатые традиции Китая смогут возродиться благодаря преобразующей интеграции в многообразный современный мир. Китай тогда станет не просто мировым промышленным центром, но и живым источником творчества и инноваций...» [Coase, Wang, 2016].

Сложившиеся экономику и общество, мы полагаем, вполне можно считать китайской нормой. То есть мы предлагаем не ждать приближения китайского общества (что возможно) к западным стандартам. Можно считать, что громадная страна, решившая огромные проблемы развития, сама формирует свою норму, догоняя ведущие страны по множеству параметров. Вряд ли можно отрицать, что Китай стал источником инноваций в гибридном подходе – сочетании большой свободы хозяйственной деятельности хозяйственных агентов и целенаправленного воздействия плановых органов...

На протяжении трех десятилетий весь мир наблюдает (с изрядной долей удивления и даже зависти) за экономическими успехами Китая, количественными и качественными, притом, что стартовый уровень экономики страны был низким. Вслед за длительным периодом экспериментов после пленума 1978 г. начались реформы. Но мы берем для анализа период с 1992 г., когда прогресс стал ясным и непрерывным. В терминах кластерного подхода (рис. 1) мы считаем важным рассматривать не просто рост, а «качественные шаги» от кластера к кластеру [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, ch. 1]. В определенной степени характер процесса накопления, отраслевая структура и динамика капиталовложений были рассмотрены нами в предыдущей статье [Grigoryev, Zharonkina, 2023].

Мы рассмотрим срезы параметров экономики и общества Китая на принципиальных рубежах переходов: старт в шестом кластере в 1992 г.; 1997 г. – переход в пятый кластер; 2007 г. – переход в четвертый кластер; с 2019 г. Китай находится в третьем кластере.

Экономические индикаторы в целом привязаны к уровню развития по ВВП, но их нужно воспринимать комплексно, как инструменты политики, так и результаты развития. Переход через границу из шестого кластера в четвертый занял пятнадцать лет. В табл. 2 показано, как быстро и значительно менялись показатели на каждом отрезке. В 2007 г. Китай с 6,8 тыс. долл. (ППС) на душу населения переходит в четвертый кластер (для этого года границы были от 6,3 тыс. долл. до 12,7 тыс. долл.) и отрывается от Индии (3,6 тыс. долл.) и Вьетнама (5,5 тыс. долл.). Курс юаня весь рассматриваемый

период был очень низкий (7,6 к доллару в конце), но чистый экспорт достиг четверти триллиона долларов, а автомобилей было произведено почти 9 млн.

Конечно, это прежде всего свидетельствует о трудолюбии китайского народа и грамотной промышленной политике, которая использовала все доступные технологии. Но все же главное — норма накопления все это время была высокой по любым международным показателям: от 30% ВВП, и к 2007 г. достигла 37,9% и это при учетверенном ВВП на душу населения. Включение сил рынка внутри страны и использование возможностей мирового рынка дали ресурсы, которые использовались в плановом порядке, что и представляло в простейшем виде институциональный секрет развития. Здесь, на наш взгляд, нет противоречия между институциональными силами и традиционной теорией роста. Госплан мог рассчитывать на быстро расширяющиеся ресурсы для решения основных задач — борьбы с абсолютной бедностью, которая в 1981 г. охватывала 90% населения, в 1990 г. снизилась только до 70%, а за следующие двадцать пять лет сократилась до минимума [Jain-Chandra et al., 2018, fig. 6]. Но высокие темпы роста позволили добиться масштабного повышения уровня жизни без снижения нормы накопления.

Мы выделяем в анализе 2013 г., который был первым годом после 18-го съезда КПК и первым годом руководства Си Цзиньпина. Он важен значительными сдвигами в параметрах структуры экономики и тем, что с него начинается изменение характера роста — он становится умеренным (5–7%).

Структура ВВП страны (по секторам) претерпела радикальные изменения — мы видим, что к 2013 г. доля сельского хозяйства сжалась до 9% ВВП, а далее стабилизировалась на уровне 7,3%. Вторичный сектор (промышленность) длительное время сокращался вплоть до 2020 г., после чего увеличил свою роль вновь, что соответствует новым потребностям мировой экономики и возможностям промышленности Китая — это хорошо видно по рекордным показателям общего (3,6 трлн долл.) и чистого экспорта (877 млрд долл.) в 2022 г. Колебания значений показателей в 2019–2022 г. отражают специфику годовой конъюнктуры, но с уверенностью можно говорить о стабилизации основных параметров.

Объем данной работы не позволяет провести прямое сравнение параметров экономики Китая с аналогичными индикаторами стран со схожим ВВП на душу населения, которые он догнал и опередил. Не все показатели, особенно социальные, достижимы в короткое время, но многие в эти годы радикально увеличились. На примере Китая мы видим необходимость (и успех) единства трансформации по широкому кругу параметров экономики и социальных аспектов жизни. Возможность осуществления одновременной и быстрой модернизации в плановом порядке сомнительна, что доказано историей, но и в чисто открытом варианте общественного развития пока также не наблюдалась.

Показатели личного потребления населения можно рассматривать как критерий успеха в повышении общего благосостояния страны. Таблица 3 указывает на стабилизацию структуры расходов населения к 2020–2022 гг.: продовольствие и напитки — около 36%; развлечения, здоровье и образование — несколько менее 20%. Можно сказать, что относительно высока доля продуктов питания, но невелика доля товаров длительного пользования.

Среди социально-экономических показателей любой страны особую роль играют военные расходы и затраты на НИОКР. Эти значения и их динамика многое говорят о политике страны и ее положении в мире. В Китае военные расходы на душу населения (в долларах) за три десятилетия увеличились примерно в 20 раз. Интересно, что расходы на НИОКР выросли практически в той же пропорции и вдвое превосходят военные затраты.

Таблица 2. Экономические показатели Китая, 1992–2022 гг.

Год	Население, млрд человек	ВВП на душу населения, ППС (в постоянных ценах 2017 г., тыс. долл.)	Темпы роста ВВП на душу населения, %	Норма накопления, % от ВВП	Обменный курс валюты, юань к доллару	Чистый экспорт, млрд долл.	Объем производства автомобилей, млн ед.	Доля с/х в ВВП, %	Доля промышленности в ВВП, %	Доля услуг в ВВП, %	Энергоемкость 1*	Энергоемкость 2**	Потребление угля, Мт (10 ⁶ тонн)
1992	1,165	1,7	12,8	30,3	5,51	4,4							1090
1997	1,230	2,8	8,1	31,0	8,29	40,4							1334
2007	1,318	6,8	13,6	37,9	7,61	264,0	8,9				0,347	2,36	2821
2013	1,363	11,1	7,1	44,5	6,20	259,0	22,1	8,9	44,2	46,9	0,258	3,06	3975
2019	1,408	16,0	5,6	42,8	6,91	421,1	25,7	7,1	38,6	54,3	0,208	3,46	3899
2020	1,411	16,3	2,0	42,5	6,90	524,0	25,2	7,7	37,8	54,5	0,205	3,53	3948
2021	1,412	17,7	8,4	42,0	6,45	675,9	26,1	7,2	39,3	53,5	0,191	3,72	4184
2022	1,412	18,2	3,0	–	6,74	877,6	27,0	7,3	39,9	52,8	0,178	3,83	4554

* Тысяч тонн SCE* / ВВП по ППС в текущих ценах, млн долл. (SCE – standard coal equivalent ~ 29.3 MJ).

** Общее потребление энергии / население, тонн SCE на человека.

Источник: рассчитано авторами на основе данных [World Bank, n.d.; IMF, n.d.; NBS of China, n.d.; IEA, n.d.].

Таблица 3. Уровень и структура потребления, тыс. юаней, %

Расходы домохозяйств, % от общего потребления						
Год	Личное потребление на душу, тыс. юаней	Еда, табак, алкоголь, одежда и обувь	Жилье	Техника, мебель и услуги	Транспорт и связь	Образование, культура, здравоохранение
1992	0,94	—	—	—	—	—
1997	2,4	—	—	—	—	—
2007	6,6	43,8	17,8	5,4	11,6	18,8
2013	13,2	39,0	22,7	6,1	12,3	17,5
2019	21,6	34,4	23,4	5,9	13,3	20,5
2020	21,2	36,0	24,6	5,9	13,0	18,3
2021	24,1	35,7	23,4	5,9	13,1	19,6
2022	24,5	36,1	24,0	5,8	13,0	18,7

Источник: рассчитано авторами на основе данных [World Bank, n.d.; IMF, n.d.; NBS of China, n.d.; IEA, n.d.].

Энергетические аспекты развития китайской экономики находятся в центре внимания всего мира, поскольку общее энергопотребление в стране выросло с 1,4 млрд тонн в 2000 г. до 5,4 млрд тонн в 2022 г., причем потребление угля увеличилось с 1,09 трлн тонн (1992 г.) до 3,975 трлн тонн в 2013 г. Далее оно продолжало расти и в 2022 г. достигло 4,554 трлн тонн. Китай заявил о намерении достичь углеродной нейтральности к 2060 г., но, как мы видим, это невероятно сложная задача. Более детальный анализ обнаруживает значительный рост энергоэффективности в расчете на единицу ВВП (ППС) — вдвое с 2007 по 2022 г. (см. табл. 2). Однако показатель расхода энергии (в тоннах SCE на человека) за этот период вырос с 2,36 до 3,83. Динамика энергопоказателей Китая отражает стадию формирования его транспортной и энергетической инфраструктуры, жилищного строительства. Понадобится еще декада для завершения строительства системы скоростных железных дорог, значительных вложений в менее развитых регионах, прежде чем ресурсы высвободятся для радикального снижения использования углеводородного топлива.

В целом структурные характеристики китайской экономики дают картину средне-развитой державы, которая в невероятно короткие сроки проходит ступени (кластеры), преодоление которых у большинства развитых стран потребовало совершенно других — намного более продолжительных — исторических сроков. Китай может использовать опыт других стран, как в технологическом, так и в институциональном плане. Но надо признать существование сложностей, связанных с колоссальными размерами и разнообразием страны — с одной стороны, а с другой — с очевидной попыткой руководства Китая проводить модернизацию очень быстро и, по возможности, одновременно по всей стране. В принципе можно сконструировать систему социально-экономических показателей, которые будут формироваться при движении от третьего ко второму кластеру и от 18 к 35 тыс. долл. на душу населения, или к развитым странам Восточной и Южной Европы.

Быстрый экономический рост и неравенство

Развитие экономики быстрыми темпами, естественно, не может происходить равномерно по всей стране, в региональном и межстрановом пространстве. По тем или иным институциональным, ресурсным, географическим, индивидуальным качествам акторов, семей (предыстории семей) или бизнесменов в рамках деревни, города социальное расслоение становится фактом вслед за расширением возможностей рынка, снятием барьеров, либерализацией среды. Дух предпринимательства вполне может считаться столь же китайским культурным кодом, сколь финикийским, венецианским или англосаксонским. Формирование рыночного хозяйства на базе предпринимательства и частной собственности, естественно, ведет к образованию и социального неравенства.

Как отмечалось ранее, китайская экономика в предыдущие три десятилетия двигалась как скорый поезд, минуя границы кластеров как мосты на реках, разграничивающих области и регионы. Таблица 4 показывает динамику выхода экономики в целом и семей в частности на новый уровень и новые параметры потребления. Снижение прироста населения до нуля дает возможность перевести дополнительные доходы в более сложные и качественные виды потребления, товары и услуги. Заметим, что в течение всего рассматриваемого периода доля личного потребления в ВВП остается менее 40%, что нетипично для мирового хозяйства (обычно 50–55%, а в США почти 70%) от ВВП. Это указывает на несколько содержательных и статистических обстоятельств. Прежде всего это говорит о высокой норме накопления, которая поддерживается в течение всего рассматриваемого периода. С точки зрения теории роста — это чрезвычайно важно, поскольку предполагает огромное значение институционального фактора: отложенного личного потребления ради формирования физической инфраструктуры, расширения производственной мощи, урбанизации. Социальные показатели также быстро улучшались при длительном сохранении высоких темпов роста.

Выход Китая к концу второго десятилетия XXI в. в третий кластер — 18 тыс. долл. по ППС — рисует картину среднеразвитой страны. Ранее мы уже обсуждали вопрос о «ловушке» среднего уровня развития. Напомним, что обычно это снижение темпов прироста с 4–5 до 3–4%. В Китае сохранение высоких темпов прироста привело к некоторой «плавности» движения социально-экономических показателей. В частности, стабилизируется доля городского населения (около 65%), заметно сближение в уровне развития регионов — с 4 до 2 раз между высокоразвитым Шанхаем и среднеразвитым Хубэем. Страна выходит на очень высокий показатель третичного образования, он составляет 72% (при стартовых 2,8% в 1992 г.), что очень важно при столь высоких темпах развития для переподготовки кадров. Структура личного потребления будет меняться, но уже медленнее. Услуги в структуре потребления, конечно, еще могут и будут расширяться, особенно в части услуг и рекреации. Многократный рост личного потребления за период, безусловно, скрывает социальные различия, о которых речь пойдет ниже. Напомним, что в структуре ВВП Китая доля личного потребления необычайно низка. Так что среднедушевое потребление остается несколько ниже, чем в среднеразвитых странах с 18 тыс. долл. ППС на душу населения. Таким образом, огромный успех в развитии страны вполне увязан с поиском «новой нормальности» — как должно меняться личное потребление, чтобы стать опорой роста в большей степени, чем раньше при доминировании экспорта и капиталовложений.

Быстрый экономический рост обычно ассоциируется с усилением социального неравенства, особенно на ранних стадиях развития. Традиционные оценки по децильным параметрам, публикуемым Всемирным банком, ставят социальное неравенство

Таблица 4. Социальные показатели

Год	Естественный прирост на 1000 человек	Отношение ВВП на душу населения в Шанхае к ВВП на душу населения в Хубэе	Доля городского населения, %	Число пользователей интернетом, млн человек	Доля населения с третичным образованием, % от населения	Военные расходы на душу населения, долл./чел.	Расходы НИОКР на душу населения, долл./чел.
1992	11,6	4,18	27,5	–	2,8	10,4	19,3
1997	10,1	4,83	31,9	0,6	5,8	12,8	18,4
2007	5,2	3,85	45,9	210,0	21,4	47,1	95,45
2013	5,9	2,18	54,5	617,6	32,8	116,4	226,8
2019	3,3	2,08	62,7	903,6	57,3	170,3	367,3
2020	1,5	2,04	63,9	989,0	62,2	182,8	401,1
2021	0,3	2,03	64,7	1032,0	67,4	202,5	439,2
2022	–	1,95	65,2	1067,4	72,0	206,8	

Источник: рассчитано авторами на основе данных [World Development Indicators, n.d.; IMF n.d.; NBS of China n.d.; CEIC, n.d.].

в Китае в разряд вполне «заурядных» с долей дохода десятого дециля порядка 30% для развивающихся стран. Заметим, что с точки зрения теоремы С. Кузнеця о «зонтике» Китай – идеальный кандидат на тестирование: сначала неравенство должно выгибать зонтик вверх, а потом рост, предположительно, должен бы загнать зонтик вниз [Kuznets, 1955]. Правда, мы не смогли найти сколько-нибудь внятных прикладных случаев движения стран по траектории зонтика вниз (небольшие колебания).

Скорее, наблюдается стабилизация неравенства на определенном уровне, определяемом национальной социальной историей, институтами (налогами и проч.), характером социально-политического равновесия в обществе. Мы видим несколько моделей социального неравенства в мире, например англосаксонское или континентальное европейское [Grigoryev, Pavlyushina, 2022, ch. 14]. Уникальность, размеры и специфические особенности Китая демотивируют исследователя причислить его к какой-то определенной страновой группе, во всяком случае, до определенного момента и уровня развития страны (технически до момента длительного устойчивого сохранения модели). Можно предположить в будущем различные варианты развития ситуации, но пока мы хотим получить объективную картину этих трех десятилетий. На 19-м съезде Коммунистической партии Китая в 2017 г. снижение неравенства и, следовательно, социальной напряженности было признано одной из приоритетных задач развития на ближайшие годы, так что могут быть и целенаправленные действия в этой области со стороны государства [Ostrovskiy, 2020].

Китай, естественно, вызывает большой интерес у мировых исследовательских организаций. По проблеме социального неравенства в этой стране есть серьезная работа МВФ 2018 г. [Jain-Chandra et al., 2018]. В ней анализируется тот период в истории страны, когда китайская экономика пересекла границу между четвертым и третьим кластерами и подошла к поиску «новой нормальности» при темпах роста в 5–6% ВВП.

Вывод авторов (аннотация) выглядит драматически: «...неравенство в доходах резко возросло с начала 1980-х годов и сделало Китай одной из самых неравноправных стран в мире. Эта тенденция начала меняться на противоположную, поскольку с 2008 г. в Китае наблюдается умеренное снижение неравенства. В настоящем документе определяются различные факторы, стоящие за этими тенденциями, включая структурные изменения, такие как урбанизация и старение населения, и, в последнее время, политические инициативы по борьбе с ними» [Jain-Chandra et al., 2018, p. 2]. Рост неравенства в 1980-е годы в основном атрибутируется структурным сдвигам: урбанизации, замедлению рождаемости, перемещению рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и повышению роли третичного образования [Jain-Chandra et al., 2018, p. 14]. Разумеется, именно эти факторы лежали в основе увеличения производительности в стране, наряду с ростом капиталовложений, так что мы можем говорить о «естественном» росте неравенства в процессе индустриализации, урбанизации и создания инфраструктуры, как в развитых странах много ранее и в более продолжительные сроки. Догоняющее развитие по уровню благосостояния пошло с искомыми социальными успехами, но и с неизбежными социальными издержками.

Таблица 5. Показатели социального неравенства, 1993, 2002, 2008, 2012, 2019 гг., %

	1993 г.	2002 г.	2008 г.	2012 г.	2019 г.
Первый дециль	3,3	2,3	2,0	2,1	2,8
Первый квинтиль	7,9	5,7	5,1	5,3	6,7
Второй квинтиль	12	9,6	9,5	9,7	10,7
Третий квинтиль	15,9	14,4	14,6	14,7	15,2
Четвертый квинтиль	22,1	22,4	22,2	22,4	22
Пятый квинтиль (20% самых богатых)	42,2	47,9	48,5	47,8	45,3
Десятый дециль (10% самых богатых)	26,6	31,4	31,8	31,5	29,5

Источник: [World Development Indicators, n.d.].

Несмотря на устойчивый рост социального неравенства, с начала XXI в. в стране сокращается бедность. Тем не менее в бедности до сих пор живут миллионы китайцев: по оценкам Всемирного банка, в 2019 г. 25% китайцев жили менее чем на 6,85 долл. США в день [World Bank, n.d.].

Таблица 5 дает ясное представление о социальном неравенстве — так видит китайское общество каждый, кто заглядывает в основные таблицы МБРР. Стандартные параметры указывают на довольно высокий уровень неравенства, характерный для многих развивающихся стран. Оно формируется в процессе создания национальных институтов собственности, налоговой системы, степени осознанной необходимости социальной защиты. При очень быстром росте, как мы видим, неравенство складывается также быстро и, в общем, не поворачивает вниз по «зонтику».

С точки зрения решения проблем догоняющего развития Китай добился выдающихся успехов в решении проблемы абсолютной бедности к 2016 г. Сотни миллионов людей после жизни в тяжелейшем XX в. были выведены на уровень, на котором уже можно думать о дальнейшем росте благосостояния. Не пытаясь на примере одной

важной страны модернизировать слишком многое в теории развития, полагаем, что открытость и инновационность, принципиально важные для институциональной теории, начинают работать более эффективно на более высоком уровне доходов, после того, как отработал этап стартовой либерализации экономической жизни.

В 2012–2016 гг. социальная неоднородность в Китае вышла на плато, как во многих странах. Снижение если и было зафиксировано, то незначительное. По мере роста бизнеса, внутреннего накопления доходы от собственности, от финансовых инструментов начинают «работать на неравенство», как и во всем мире. И снова важное значение имеет скорость преобразований экономики страны. Рекомендуемое институциональной теорией сокращение государственного участия в экономике могло улучшить какие-то параметры роста, но, напомним, что темпы прироста ВВП в первое десятилетие XXI в. составляли более 10%.

Китайская статистика предоставляет уникальную возможность провести сравнительный анализ состояния финансов семей на базе обширных опросов 2013 и 2018 гг., которые мы используем для мониторинга доходов, активов и долгов семей с различным уровнем достатка. Таблица 6 дает представление о положении китайских семей в городе и селе. Средний доход городских семей, как и ожидалось, более чем в 2 раза превосходит доход жителей села. Однако мы не знаем точного соотношения опросных данных и населения в целом. За пять лет средний доход городских семей вырос примерно на 40%, а сельских – на 37%.

Рост личных доходов, согласно опросам, за пять лет соответствует общему росту по агрегированным данным, по городу и по селу. Радикальным изменением в структуре активов-пассивов и к доходу является трехкратное увеличение (с 0,2 до 0,6) отношения долгов к активам, что указывает на расширение использования кредита в доковидный период. Структура общества в презентации профессора Чжан И дает нам 20% на 2013 г.

Таблица 6. Социальная структура Китая в 2013 г.

Класс	Доля социального класса в общей численности трудоспособного населения, %
Собственники	4,62
Новый средний класс	15,75
Старый средний класс	13,85
Рабочие	35,45
Крестьяне	30,32

Источник: рассчитано авторами на основе статьи [Zhang Yi, 2017].

Если отталкиваться от их структуры социальной компоновки 2013 г., то можно опереться на значительный состоятельный новый средний класс. Судя по расчетам профессора Чжан И, страты собственников и нового среднего класса – образованные специалисты: эксперт-менеджеры, квалифицированные менеджеры, эксперты – ориентированы на «потребление развития», тогда как рабочий класс, крестьяне и «старый» средний класс в большей степени ориентированы на выживание [Zhang Yi, 2017]. Логично предположить, что верхние 5% опрошенных – скорее собственники, дальше 15 п.п. нового среднего класса образуют пятый квинтиль, а «старый» средний класс (или некоторое соотношение этих двух групп) образуют четвертый квинтиль. Далее

мы будем исходить из того, что соотношение представленных групп за пять лет между опросами 2013 и 2018 гг., видимо, менялось, что требует дополнительных исследований (табл. 7). Однако при переходе от рассмотрения социально-профессиональных групп к децильным и квинтильным параметрам мы можем напрямую сравнивать последние, поскольку именно это и будет указывать на социальное неравенство в сопоставимой степени.

Таблица 7. Распределение доходов, активов и долгов на семью по группам, тыс. юаней

	Доходы (среднее)			Финансовые активы (среднее)			Долги (среднее)		
	2013 г.	2018 г.	Прирост, %	2013 г.	2018 г.	Прирост, %	2013 г.	2018 г.	Прирост, %
Город									
Все группы	87,7	116,7	33,1	82,3	125,1	52,0	142,1	261,1	83,7
5%	269,1	385,6	43,2	514,9	942,3	83,0	314,8	814,9	158,9
10%*	217,5	309,5	42,3	365,1	645,6	76,8	196,4	561,5	185,9
10%**	130,5	181,7	39,2	133,1	214,9	61,5	–	140,1	–
20%**	95,9	132,5	38,2	75,4	111,3	47,6	–	–	–
Село									
Все группы	36,6	50,0	36,7	41,9	58,9	30,4	49,4	116,3	135,0
5%	131,0	186,0	42,0	266,3	445,6	67,3	122,9	411,1	231,9
10%*	104,8	147,6	40,8	186,3	300,9	61,5	76,8	262,7	242,1
10%**	59,3	81,7	37,7	67,7	97,3	43,7	–	44,6	–
20%**	42,2	58,5	38,6	39,5	52,0	31,6	–	–	–

Источник: рассчитано на основе данных CHIP China Institute for Income Distribution (<http://www.ciidbnu.org/index.asp?lang=EN>).

Примечание. Средние рассчитаны без учета пропусков. Данные по долгам в 2013 г. относятся к 14% опрошенных, в 2018 г. – к 27%. Данные по активам в 2013 г. – к 93%, в 2018 г. – к 98%, а по доходам в 2013 и 2018 гг. – к 100%.

*Накопленные перцентили; **отдельные перцентили (9-й дециль, 4-й квинтиль).

Chinese Household Income Project (CHIP) – социальный опрос китайских семей из городской и сельской местности. Он проводится раз в несколько лет Китайским институтом распределения доходов [CIID, n.d.].

В опросе 2013 г. участвовали городские (6262) и сельские (9973) семьи. В 2018 г. были опрошены 11 375 человек, представляющих городские семьи, и 9076 человек из сельских семей. В ходе социального опроса собираются подробные данные о доходах, расходах, долгах, активах и других финансовых показателях семей за год опроса.

Анализ агрегированных и опросных данных указывает на формирование значительного социального неравенства уже к 2013 г. Значительный рост дохода к 2018 г. сохранил относительные различия между семьями города и села. То же относится к накопленным активам и долгам. Новым явлением стало значительное увеличение относительной (к доходу и к активам) задолженности населения по опросной статистике. Аналогичные выводы сделаны в докладе АДБ [Peschel, Liu, 2022, p. 33, fig. 40]. Нарастание долгов китайских семей продолжалось до настоящего времени, что видно на рис. 2. Практически это означает, что для расширения долгов нужно расширение состоятельных слоев. А тут важным аспектом картины является распределение уровней доходов, активов и долгов. Таблица 7 ясно показывает, что именно наиболее состоятельные 5% семей значительно увеличили свои доходы в 2018 г. по сравнению с 2013 г. и следующими группами. Принципиально важно, что прирост долгов опережал прирост активов – похоже, что долги были ключевым источником расширения активов.

Проблемы следующего этапа

Мы рассмотрели этапы, пройденные экономикой Китая за тридцать лет. И теперь возникает вопрос методологии прогнозирования развития Китая в обозримом будущем. Мы не можем давать содержательный прогноз без большой модели, но мы хотели бы обрисовать условия такого прогноза и, по возможности, связать официальные цели и практические возможности развития до 2035 г. Прежде всего отметим, что речь идет о благосостоянии страны с огромным населением (в 1992 г. – 1,3 млрд человек) [United Nations, n.d.]. Среднестатистическому китайцу, родившемуся в 1980 г., в 2035 г. будет всего лишь 55 лет, но он сможет написать мемуары о том, как он прожил жизнь «на эскалаторе» с ростом ВВП (ППС) на душу населения примерно в 20 раз в сравнении с 1992 г. Если курс юаня будет постепенно подниматься, что вполне возможно, то вес экономики Китая еще более возрастет против текущего состояния, поскольку в любых прогнозах его динамика обгоняет остальной мир на 2–3 п.п. в год [Xinhua, 2020]. Нам трудно воспроизвести сложные процессы внутри планирующих и политических органов страны (или экономико-математических моделей), но мы можем показать некоторые структурные параметры прогнозов.

В 2020 г. после завершения 5-го пленума ЦК КПК руководители страны обсудили 14-й пятилетний план на 2021–2025 гг. и более долгосрочную перспективу до 2035 г. По словам Си Цзиньпина, «вполне возможно, что Китай достигнет уровня страны с высоким уровнем дохода (high income country) в конце 14-го пятилетнего плана в 2025 г. и удвоит ВВП на душу населения к 2035 г.»³.

Мы не останавливаемся подробно на демографических проблемах выхода из режима ограничения рождаемости. Инерция демографических параметров весьма велика, и в ближайшие годы сокращение китайского населения продолжится. Рост общей производительности нужно будет обеспечивать уже больше от инноваций на месте, нежели от перемещения масс дешевой рабочей силы в регионы и отрасли с более высокой производительностью труда. Значительных затрат потребуют экологические и климатические задачи. Изменение структуры личного потребления в пользу услуг предполагает перемены в образе жизни поколений, выросших в процессе быстрого увеличения потребления товаров.

³ Напомним, что прогнозы МВФ по росту мировой экономики включают китайский компонент со значительным весом – между Китаем и остальным миром по динамике в последние десять лет сохранялась весьма значительная разница.

Сочетание ресурсных, институциональных и внешних спрсовых факторов продолжит меняться. Но прежде всего важно не упустить из вида коллизию между ростом валового ВВП и его душевого параметра. При стабильной или снижающейся численности населения стран весь прирост «вала», естественно, становится также душевым приростом или более (во втором случае). Таким образом, удвоение ВВП на душу населения, вероятно, будет происходить на год-два раньше, чем удвоение валовых показателей. Не менее важна структура ВВП – соотношение накопления и личного потребления. Мы допускаем даже появление взаимосвязанных пар показателей: некоторое снижение нормы накопления в ВВП, во всяком случае ниже 40%, при соответствующем росте нормы потребления – выше 40% (с поправками больше – см. прил.). Высокая норма накопления будет сохраняться еще длительное время для завершения формирования транспортной инфраструктуры, постоянной модернизации производственных мощностей, чему будут способствовать более эффективные технологии, которые также должны ослаблять зависимость от приростов рабочей силы.

Рост личного потребления неизбежно потребует продолжения программ жилищного строительства, развития территорий и условий для отдыха, туризма и расширения потребления культурных ценностей. Рост доли личного потребления в ВВП будет означать также дополнительное повышение личного потребления и приближение его уровня к показателям развитых стран. В качестве примера можем показать масштабы сдвигов. На этом пути есть определенные трудности, достойные изучения и отдельной работы. Это высокая закредитованность населения наряду с долгами муниципалитетов ряда регионов и собственно компаний-девелоперов. Рисунок 2 показывает, что существенно выросли долги семей по отношению к ВВП и в абсолютных величинах. Главным образом прирост долгов относится к закладным по жилью. Практически это означает, что для дальнейшего расширения роли кредита в финансировании жилья, проектов, связанных с долгосрочными вложениями в инфраструктуру потребления, понадобится расширение состоятельных слоев общества.

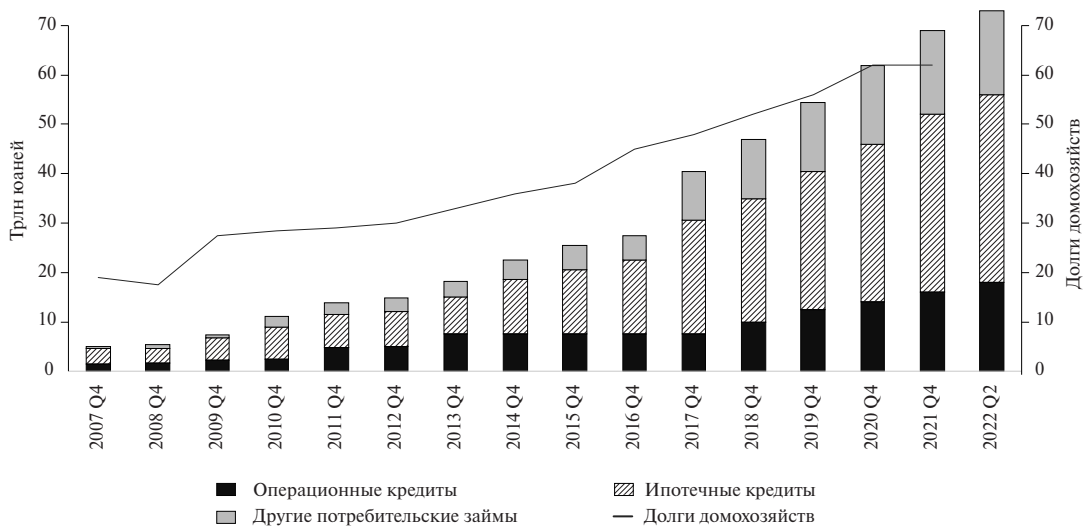

Рис. 2. Потребительское кредитование населения

Источник: ADB East Asia Working Paper Series [Peschel, Liu, 2022].

Если к 2035 г. ВВП на душу населения достигнет 35 тыс. долл., то семьи пятого квинтиля при небольшом сокращении нынешнего неравенства перевалят за 70 тыс. в 2035 г. (при оценке на текущий период в 40 тыс. долл.). Это будет означать, что в ближайшие два десятилетия порядка 300 млн китайцев составят самый большой национальный блок наиболее состоятельных людей на планете. Роберт Барро в 2015 г. отмечал, что Китай не может «вырваться» из общих закономерностей сближения уровней развития [Barro, 2016]. Он предложил рассматривать Китай как случай успешной конвергенции с Коста-Рикой, Индонезией, Перу, Таиландом и Уругваем — странами третьего кластера (более 14,5 тыс. долл. ППС на душу населения), в который он перешел, по нашим расчетам, к 2019 г. Следующий шаг, естественно, — это приближение страны к упомянутым им там же Чили, Гонконгу, Польше, Сингапуру, Южной Корее и Тайваню, а последние три уже страны первого кластера (выше 36 тыс. долл. ППС на душу населения). К 2022 г. Китай фактически обогнал большую часть упомянутых стран других континентов (кроме Ирландии и Польши), хотя до своих развитых соседей еще надо расти. Тем не менее восхождение по кластерам продолжается. Но мы полагаем, что специфика сочетания плановых элементов и использования рыночных институтов делает Китай отдельным случаем целенаправленного развития с огромными успехами (с трудностями и издержками).

Разумеется, гораздо труднее прогнозировать эволюцию проблемы социального неравенства, поскольку в наблюдаемой мировой статистике (и жизни) «зонтик Кузнецца» виден только в части его левого сегмента. Потом «зонтик», скорее, растягивается горизонтально с небольшими колебаниями. При быстром росте благосостояния и хороших перспективах для молодежи последнее не столь болезненно. В этом, в частности, состоит «секрет» англосаксонского неравенства: оно выше, чем в других системах, но с широкой рекламой доступности индивидуальных вертикальных лифтов. Можно предположить, что расширение «сверху вниз» состоятельных когорт в Китае будет важным фактором не только социальной стабильности. В прикладном плане для стабильности сектора недвижимости (особенно собственно жилищного строительства) расширение платежеспособного круга семей, обновляющих свои жилищные условия, естественно, должно быть близким к долгосрочным темпам расширения и обновления жилого фонда. Разумеется, как это известно из практики развитых стран (выше среднего уровня развития), именно волны жилищного спроса обеспечивают соответствующие им волны расширения сооружений общественной сферы и бумы товаров длительного пользования.

Если считать нынешний уровень ВВП на душу населения Китая «средним» в логике догоняющего развития, то сдвиги в пользу более высокого качества социальных услуг, изменения образа жизни — задача весьма сложная, пожалуй, сложнее, чем задачи индустриального этапа развития. Последний можно было бы считать близким к завершению, но теперь в него пора включать энергетический переход, поддержание и восстановление экологии, что потребует немалых затрат инвестиционного характера — к 2060 г. на карбоновую нейтральность экономики предполагается потратить 15 трлн долл. [Zhang, 2020], но эта работа в основном впереди. Высокие затраты на экологию и снижение выбросов парниковых газов в будущем могут стать важным элементом выравнивания образа жизни и социальных различий.

Мы не считаем возможным здесь давать оценки долгосрочным изменениям в бюджетах, внешней торговле, расходах на НИОКР или военных расходах, хотя ясно, что предстоящее гигантское увеличение ВВП создаст огромный потенциал для Китая, который будет одним из лидеров мирового развития. Нам представляется, что сложные экономические и социальные проблемы многих стран в «ловушке среднего уровня раз-

вития», как в случае Китая, естественно, становятся более сложными. Так что многое будет зависеть от социально-экономической стабильности страны, сдвигов в институтах к большей инклюзивности и самовыражению. Но мы не видим причин, почему переход от 10 к 5% в течение уже ближайшего десятилетия часть мировой аналитики и СМИ рассматривают как кризис, в частности, если не ожидается возврат к 10%-му режиму. Мы бы трактовали ситуацию – в зависимости от выбранной гаммы – как поиск «новой нормальности», преодоление китайской «ловушки среднего уровня развития» (хотя не от 5–6% к 2–3%, как у большинства стран, а от 10 к 5%). Предположение о сдвигах к большей открытости выглядит вполне ожидаемым, хотя масштаб и сложность задач следующего периода, скорее всего, оставит значительной роль Левиафана [Shastitko, 2020], предположительно, ограниченного в той или иной степени.

Среди сложностей развития Китая в 2023–2024 гг. китайские экономисты и зарубежные наблюдатели упоминают не только очевидные аспекты развития: замедление роста населения, избыток мощностей в традиционных отраслях промышленности, необходимость инноваций и развития антрепренерства и т.п. Финансовые риски в секторе недвижимости стали наиболее острой темой в силу явного проседания прибыльности и устойчивости действующей деловой схемы. Мы не можем в настоящей статье провести глубокий анализ данной проблемы и поэтому ограничимся кратким обзором ситуации.

Концентрация долгов в Китае наблюдается в основном в небольших городах центра и запада страны. Сложившуюся ситуацию можно считать уникальной – большая часть долгов относится не к центральному правительству, а к муниципалитетам. По всей видимости, это результат выполнения установок на широкое развитие городской инфраструктуры, решение жилищной проблемы. Местные органы власти выполнили важные задачи развития страны того этапа, до которого не дошли (или не завершили его) другие среднеразвитые страны, оставшись в «ловушке». Но одновременное развитие инфраструктуры, общественного сектора и собственно жилья в большой мере шло в долг. Особенно это относится к центральным и западным провинциям с более низким уровнем развития. Данная модель финансирования, естественно, тесно связана с социальным неравенством – со способностью семей покупать (обновлять) квартиры и оплачивать их. Выше мы показали, что основная масса активов (и долгов) приходится на наиболее состоятельные strata общества. Более того, мы видим, что значительный прирост активов семей с 2013 по 2018 г. был достигнут при утроении отношения задолженности к активам и годовому доходу.

Таким образом, в основе проблемы мы опять видим исключительно быстрый рост и решение масштабных задач. Заметим, что проблемы сектора выходят за пределы коммерческих проблем рынка недвижимости и устойчивости облигационных займов девелоперов. Для западных наблюдателей и инвесторов – это чисто финансовая проблема. Для нас – важный вопрос институционального развития, его китайской специфики. И ответственность центрального правительства за устойчивость сектора вытекает не только из общей логики централизованного управления, но и из важности формирования социальной среды, обеспечения равного доступа к жилью и социальным услугам. Раньше продажи жилья стимулировались спекулятивным спросом на квартиры со стороны покупателей, которые остерегались, что цены на жилье вырастут. В будущем рынок должен удовлетворить основной спрос со стороны покупателей, которые хотят купить или улучшить жилье. Есть мнение, что в секторе недвижимости в среднесрочной перспективе произойдет спад. Власти Китая ввели понятие «новая тройка»: электромобили, литий-ионные аккумуляторы, ВИЭ. Данные отрасли, по мнению китайского руководства, могли бы стать заменой жилищному рынку. Однако доля этих сфер

составляет всего 3,5% от ВВП, что несопоставимо с долей сектора недвижимости — 23% от ВВП. Таким образом, пока на рынке недвижимости ситуация не улучшится, «новая тройка» не сможет внести значительный вклад в увеличение темпов роста ВВП Китая [The Economist, 2023].

Скорее всего, правительству Китая придется найти способ решения проблемы путем (как обсуждается) выпуска нового долга центральным правительством (замещение облигаций) или увеличения доли провинциальных правительств в налоговых поступлениях. Во всяком случае, это национальная проблема данной стадии развития и результат примененной технологии решения важных проблем предыдущего этапа. В краткосрочном плане — это решение обострившейся проблемы экономической политики. В долгосрочном плане — это фундаментальная проблема преодоления ловушек, которые образуются при достижении среднего уровня развития, особенно такими темпами. Надо полагать, что в дальнейшем расширение благосостояния не только в пятом, но в четвертом и третьем квинтилях доходной лестницы потребует, чтобы придать процессу улучшения образа жизни более устойчивую основу.

Новая модель развития и прогнозы

«Переход в последние годы к более низким показателям прироста ВВП связывается в Китае с понятием “новая нормальность” (*синь чантай*), которое указывает на постепенные перемены в динамике развития экономики КНР после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. На официальном уровне о “новой нормальности” Си Цзиньпин впервые заявил в мае 2014 г. во время инспекционной поездки по провинции Хэнань» [Ostrovskiy, 2020, p. 68–69]. Среди экономистов есть разные мнения относительно того, что означает это понятие применительно к китайской экономике в современных реалиях. Некоторые считают, что это сложная ситуация на рынке недвижимости, другие видят «новую нормальность» в налаживании отношений Китая и США. По мнению китайского экономиста Цай Фана, «новая нормальность» — это сочетание сокращения населения, «седеющих» покупателей («старееющее» население) и придиричивых работодателей (рост безработицы) [The Economist, 2023].

Важный труд Азиатского банка развития дает широкую картину потенциального роста в Китае [Peschel, Liu, 2022]. Обширный обзор теорий, статистики, факторов роста, конкурирующих прогнозов опирается на оценки роста основного капитала, труда, ожидаемого роста общей факторной производительности. В отличие от СМИ, обсуждающих в основном «кризис» в сфере недвижимости, данный доклад прогнозирует некоторое замедление роста по соображениям факторов роста. Его авторы считают, что темпы роста до 2030 г. составят около 3,5%, до 2035 г. — около 2,7%, хотя ряд исследователей прогнозирует более высокие темпы роста [Ibid., p. 19, table 2]. Интересной особенностью современного прогнозирования оказывается опора на функцию Кобба — Дугласа и стандартные методы теории роста. Однако большинство советов по развитию относится к институциональным факторам: сокращению роли госпредприятий, мер по увеличению сроков кредитования, развитию обучения и человеческого капитала. Несмотря на все достижения в развитии, Китай пока остается среднеразвитой страной и возможности для повышения эффективности имеет весьма значительные.

Общий прогноз китайского правительства восходит к 2020 г. Председатель КНР Си Цзиньпин заявил тогда, что целью 14-й пятилетки (2021–2025 гг.) является удвоение ВВП на душу населения в течение следующих шестнадцати лет. Китайский экономист Джастин Ифу Линь объяснил логику такого оптимистичного плана следующим обра-

зом. В 2019 г. ВВП на душу населения (по ППС) в Китае составил лишь 22,6% от уровня США. Германия находилась на том же уровне в 1946 г., Япония — в 1956 г., а Южная Корея — в 1985 г. Годовые темпы роста этих стран в среднем составляли 9,4, 9,6 и 9% соответственно в течение следующих шестнадцати лет. Линь сделал вывод, что даже в условиях низких темпов роста населения и торгово-технологической войны с США потенциальный ежегодный рост Китая — 8% в 2019–2035 гг. и 6% в 2036–2050 гг. — может легко вылиться в реальный ежегодный рост в 6 и 4% соответственно [Fuxian, 2023]. В марте 2024 г. лидеры КПК объявили о целевом показателе роста на 2024 г. в 5%. Видимо, Китай будет поддерживать высокие по нынешним мировым стандартам темпы роста, стараясь посредством расширения ресурсов и специальных мер постепенно решать имеющиеся проблемы. Мы уже видим значительный рост вложений в высокотехнологические отрасли, так что Китай будет продолжать конкуренцию с развитыми странами уже на новом уровне.

В нашей работе мы показали не только важные аспекты роста китайской экономики, параметры обхода других стран (в кластерном анализе), факторы такого роста, но и структуру ряда проблем, которые в значительной мере стали следствием высоких темпов роста и выбранных институциональных механизмов. Если рассматривать более отдаленную перспективу, то переход страны в статус развитой (второй кластер — от 22 тыс. долл. ППС 2017) достигается при 35 тыс. долл. на душу населения. Это будет колоссальным успехом и даст новым поколениям китайцев огромные ресурсы для благосостояния, больших экологических проектов, для участия в решении глобальных проблем человечества.

С точки зрения развития теории мы не возьмем на себя ответственность предложить формулу успеха Китая на языке институционализма. Развитие страны продолжается в сложном сочетании рыночных преимуществ и осязаемой роли централизованного планирования и после выхода на средний уровень развития. Строго говоря, мы видим развилку для исследователей следующим образом: или наука признает, что китайский случай находится вне основной логики теорем развития, но тогда самый большой и интересный успех остается уникальной удачей руководства Китая. Либо наука могла бы признать важной роль государственного вмешательства в дела открытого рынка на различных стадиях и инкорпорировать случай Китая в мейнстрим институциональной теории.

Список источников (References)

- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why Nations Fail*. Random House.
- Barro R. J. (2016) Economic Growth and Convergence, Applied to China. *China & World Economy*, vol. 24, issue 5, pp. 5–19. Available at: <https://doi.org/10.1111/cwe.12172>
- CEIC [n.d.] Household Expenditure per Capita. Available at: <https://www.ceicdata.com/en/indicator/china/annual-household-expenditure-per-capita> (accessed 17 December 2023). **Нет ссылки????**
- China Institute for Income Distribution (CIID) [n.d.] Available at: <http://www.ciidbnu.org/index.asp?lang=EN>
- Coase R. (2006) The Conduct of Economics: The Example of Fisher Body and General Motors. *Journal of Economics & Management Strategy*, vol. 15, issue 2, pp. 255–78. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1530-9134.2006.00100.x>
- Coase R., Wang N. (2016) *Kak Kitai stal kapitalisticheskim [How China Became Capitalist]*. Moscow: Novoe izdatelstvo. (in Russian)
- Easterly W. R. (2001) *The Elusive Quest for the Growth: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics*. Cambridge: MIT Press.

- Fuxian Y. (2023) China's Economic Engine Is Running Out of Fuel. Project Syndicate, 22 December. Available at: https://www.project-syndicate.org/commentary/flawed-demographic-and-growth-forecasts-guide-chinese-economic-policy-by-yi-fuxian-2023-12?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=61ffa6a3ae-sunday_newsletter_12_31_2023&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-61ffa6a3ae-107189098&mc_cid=61ffa6a3ae&mc_eid=52c43548f0 (accessed 29 March 2024).
- Grigoryev L. M. (1991) "Soviets need a unified Free Economy" *New York Times*, Sept. 12, 1991
- Grigoryev L. M. (2010) 500 dnei – na revolyciyu soznaniya? [500 Days for the Revolution of Consciousness?] *Vserossiiskij ekonomicheskij zhurnal EKO*, no 10 (436), pp. 6–19. Available at: <https://ecotrends.ru/index.php/eco/article/view/3208/2242> (accessed 29 March 2024) (in Russian).
- Grigoryev L. M. (2019) Reformy nado bylo nachinaty kak minimum na god, a luchshe na dva ranshe. 11 November. Available at: <http://award.gaidarfund.ru>
- Grigoryev L. M. Zharonkina D. (2023) China's Capital Formation in the Volatile Time. *BRICS Journal of Economics*, vol. 4, no 2, pp. 265–83. Available at: <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e105980>
- Grigoryev L. M., Kulpina V. P. (2013) Kitai: problemy novogo etapa razvitiya [China: The Challenges of a New Stage of Development]. *Mirovaya ekonomika v nachale 21 veka [The World Economy in the Early 21st Century]* (L. M. Grigoryev (ed.)). Moscow: Direkt-media. (in Russian)
- Grigoryev L., Parshina E. (2013) Ekonomicheskaja dinamika stran mira, 1992–2010: neravnomernost' rosta [Economic Dynamics Across Countries in 1992–2010: Growth Divergence]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no 4, pp. 70–86. Available at: <https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/2470> (accessed 12 January 2024). (in Russian)
- Grigoryev L., Pavlyushina V. (2022) Mezhranovoe neravenstvo: dinamika i problema stadij razvitiya [Inter-Country Inequality as a Dynamic Process and the Problem of Post-Industrial Development]. *Mirovaya ekonomika v period bol'shihpotrijasenij [World Economy in the Era of Turbulence]* / L. M. Grigoryev, A. A. Kurdina, I. A. Makarova (eds)). Moscow: INFRA-M, pp. 13–39. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/monografiya/2550/view> (accessed 10 December 2023). (in Russian)
- International Energy Agency (IEA) (n.d.) Energy Statistics Data Browser. Available at: <https://www.iea.org/data-and-statistics/data-tools/energy-statistics-data-browser?country=WORLD&fuel=Energy%20supply&indicator=TESbySource> (accessed 4 February 2024).
- International Monetary Fund (IMF) (n.d.) IMF Data. Available at: <https://data.imf.org/?sk=388DFA60-1D26-4ADE-B505-A05A558D9A42&sId=1479329132316> (accessed 2 February 2024).
- Jain-Chandra S., Khor R., Schauer J., Wingender P., Zhuang J. (2018) Inequality in China: Trends, Drivers and Policy Remedies. IMF Working Paper No 18/127, International Monetary Fund. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/06/05/Inequality-in-China-Trends-Drivers-and-Policy-Remedies-45878> (accessed 29 March 2024).
- Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *The American Economic Review*, vol. 45, no 1, pp. 1–28. Available at: <http://www.jstor.org/stable/1811581>
- National Bureau of Statistics of China (n.d.) Available at: <http://www.stats.gov.cn/english/> (accessed 14 February 2024). **нет ссылки – ????**
- North D., Wallis D., Weingast B. (2011) *Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pismennoj istorii chelovechestva [Violence and Social Orders. Conceptual Framework for the Interpretation of Written History of Mankind]*. Moscow: Izd. Instituta Gaidara. Available at: <http://kyiv-heritage-guide.com/sites/default/files/HOPT-2%20-%20Насилие%20и%20социальные%20порядки%202011%20482c.pdf> (accessed 29 March 2024). (in Russian)
- Ostrovskiy A. V. (2020) *Kitai stanovitsya ekonomicheskoi sverhderzhavoi [China Becomes an Economic Superpower]*. Moscow: IBA. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44089369> (accessed 29 March 2024). (in Russian)
- Peschel D., Liu W. (2022) The Long-Term Growth Prospects of the People's Republic of China. ADB East Asia Working Paper No 54, Asian Development Bank. Available at: <https://dx.doi.org/10.22617/WPS220567-3>

Shastitko A. E. (2020) Mezhdru Scilloi despotizma i Haribdoisocial'nyh norm [Between the Scylla of Despotism and the Charybdis of Social Norms]. *Voprosy Ekonomiki*, no 1, pp. 145–56. Available at: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-145-156>. (in Russian)

The Economist (2023) How Economists Have Underestimated Chinese Consumption. 10 October. Available at: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2023/10/10/how-economists-have-underestimated-chinese-consumption> (accessed 29 March 2024).

United Nations (n.d.) Total Population (Billions). Available at: <https://population.un.org/wpp/Graphs/DemographicProfiles/Line/156> (accessed 3 January 2024).

World Bank (n.d.) World Development Indicators. Available at: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (accessed 13 January 2024).

Xinhua News Agency (Xinhua) (2020) Economic Watch: New Development Philosophy to Lead China through Middle-Income Trap. 14 December. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2020-12/14/c_139588404.htm (accessed 28 January 2024).

Zhang Y. (2017) Social Class Differences in Consumption Propensity in Contemporary China: From Survival-Oriented Consumption to Development-Oriented Consumption. *Journal of Chinese Sociology*, vol. 4, art. 21. Available at: <https://doi.org/10.1186/s40711-017-0066-1>

Zhang K. (2020) Shi xian tan zhong he, you ji ge fang xiang bi xu jia da nu li [There Are Several Directions That Must Be Intensified to Achieve Carbon Neutrality]. *Yicai.com*, 20 September. Available at: <https://m.yicai.com/news/100788326.html> (accessed 14 January 2024) (in Chinese).

Приложение Статистика потребления

Выделяют две причины медленного перехода Китая от роста, основанного на инвестициях и экспорте, к росту, главным драйвером становится внутреннее потребление (ребалансировка экономики): склонность населения много сберегать; доходы домохозяйств занимают малую часть от национального дохода [The Economist, 2023].

По словам Майкла Петти, на Западе доходы домохозяйств в среднем составляют 70–80% от ВВП, тогда как в КНР – лишь 55%. Экономисты давно считают, что у Китая есть проблемы со статистикой, а именно с учетом доходов и расходов домохозяйств. Опросы, вероятно, не могут зафиксировать незарегистрированные «серые» доходы богатых, а национальные счета все еще недооценивают скрытую «арендную плату», которую домовладельцы платят себе, когда живут в своей собственности. Кроме того, социальные трансферты в натуральной форме (СТИК) не выделялись в отдельную категорию (в отличие от стран ОЭСР. СТИК были включены в государственные расходы вместо включения в доходы китайских домохозяйств. Вследствие этого располагаемый доход домохозяйств Китая составил только 62% от национального дохода в 2020 г. (и всего 56% в 2010 г.). Если бы страны еврозоны также исключали СТИК из располагаемого дохода, то значения данного показателя были бы примерно такими же, как и для Китая (менее 64% в 2020 г.). Включение СТИК в располагаемый доход домохозяйств Китая способствовало росту доли располагаемого дохода в национальном доходе до 69%. Доля личного потребления с учетом данных трансферт увеличилась с 39% в 2010 г. до 45% в ВВП в 2019 г. [The Economist, 2023].

China: Thirty Years of “Surpassing” Development¹

L. Grigoryev, D. Zharonkina

Leonid Grigoryev – PhD in Economics, Tenured Professor; Academic Supervisor, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs, School of World Economy, HSE University; 17 (bldg. 1) Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russia; lgrigor1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3891-7060

Darya Zharonkina – Research Assistant, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), HSE University; 17 (bldg. 1) Malaya Ordynka Ulitsa, Moscow, 119017, Russia; dzharonkina@hse.ru; ORCID: 0009-0009-2686-6404

Abstract

China has eradicated absolute poverty and has reached the middle level of development. On its way, it crossed the borders of several clusters and surpassed South Africa and Brazil. Its achievements were based on the development of market institutions, world market opportunities, and the maintenance of an exceptionally high capital formation rate. The rapid pace of changes, demographic policy, and the solution of infrastructure problems have created certain issues – we note social inequality, environmental problems, the growth of household debts, and financial problems in the real estate sector, which are largely the consequences of huge social programmes. The transition to a “new normal” with lower (but still high) growth rates in many ways resembles the known effect of a “middle income trap.” The country has been developing along well-known lines but faster and by its own manner. By the horizon of 2035, China is expected to reach the current level of development of South and East Europe.

Keywords: China, economic growth, inequality, middle income level

Acknowledgments: the authors would like to thank Andrei Evgenyevich Shastitko, Professor at the Faculty of Economics, Moscow State University, for pointing out the insufficient study of institutional aspects of China’s development.

For citation: Grigoryev L., Zharonkina D. (2024) China: Thirty Years of “Surpassing” Development. *International Organisations Research Journal*, vol. 19, no 1, pp. 176–200 (in English). doi:10.17323/1996-7845-2024-01-08

¹ This article was submitted 27.02.2024.